

1997, с. 176, 178]. В проведении застолья бытовал свой ритуал: тосты, здравницы звучали в определенной последовательности. Житель с. Крутиха М.А. Ощепков, потомок старообрядцев, припоминает увиденные в детстве картинки: «*Приезжали на лошадях хороших, саях с коврами. Сами наряжены. За общим стол садятся. Первый тост за здоровье всех. Желал здоровья сват свату, брат брату. Далее тост за праздник – Николу зимнего. Пили за тятеньку, за мамоньку... Выпивали и за встречу: “За встречу, сват!” Обычно произносить здравницы начинал самый старший из присутствующих мужчин, как правило, хозяин. Выпивали круговую из одной стопки, начиная опять же с хозяина. А после застолья каждый гость воздавал благодарность, например, такой молитвой: “Спаси, Господи, хозяев. Дай им, Господи, доброго здоровья и душевного спасенья!”*». Обычай требовал принимать всех гостей с неизменным радушием и привечать каждого входившего в дом.

Вновь полученные полевые этнографические материалы, относящиеся к первой трети XX в., свидетельствуют о сокрытых и еще недостаточно выявленных архаических пластах русской духовной культуры. Культ святителя и чудотворца Николая далеко перешагнул почитание святого, близкого к Богу угодника, он воспринимался как носитель благодати, которая могла быть ниспослана отдельной семье, каждому нуждающемуся человеку (выражалось в откровениях о лечении болезней, предупреждении греховных поступков со стороны неразумных людей, поисках потерявшегося скота и пр.). Николай Мирликийский, которому приписывались значительно более широкие функции, чем святому, в отличие от многих других святых не стал просто вехой крестьянского месяцеслова, в глазах крестьян он был чудотворцем – чудо творящим, т.е. творцом, созидателем, защитником. Связанные с днем святого обычаи и обряды носили как охранный (задабривание дарами, выполнение производственных запретов), так и продуцирующий (трапезы с яичницей, обходы полей) характер. В настоящее время в городской среде имеет место актуализация образа св. Николая как защитника людей и помощника во всех видах деятельности, в том числе коммерческой.

Список литературы

- Болонев Ф.Ф.** Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1978. – 159 с.
- Бондаренко Э.О.** Праздники христианской Руси. – Калининград: Кн. изд-во, 1998. – 416 с.
- Громыко М.М.** Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 446 с.
- Зеленин Д.К.** Восточнославянская этнография. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1991. – 511 с.
- Золотова Т.Н.** Локальные особенности и место в общерусской традиции календарных праздников русских Тоболо-Иртышского региона // Гум. науки в Сибири. – 2000. – № 3. – С. 51 – 56.
- Календарные обычаи** и обряды зарубежной Европы: Зимние праздники. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
- Луговнинова Е.И.** Народный календарь Кемеровской области. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998. – 203 с.
- Макаренко А.А.** Сибирский народный календарь. – Новосибирск: Наука, 1993. – 167 с.
- Максимов С.В.** Крестная сила. Нечистая сила. Невдомая сила. – Кемерово: Кн. изд-во, 1991. – 351 с.
- Невский А.** Оттеснивший самого “Спаса” // Наука и религия. – 1972. – № 5. – С. 66.
- Религиозные верования:** Свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1993. – 239 с.
- Руднев В.А.** Древо жизни: Об истоках народных и религиозных обрядов. – Л.: Лениздат, 1989. – 159 с.
- Русские.** – М.: Наука, 1997. – 828 с.
- Соколова В.К.** Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. – М.: Наука, 1979. – 286 с.
- Фурсова Е.Ф.** Традиции проведения сельских престольных праздников в Приобье (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – С. 175 – 181.
- Фурсова Е.Ф.** Традиционно-бытовые особенности культуры белорусов-переселенцев конца XIX – начала XX в. (по материалам этнографических экспедиций) // Белорусы в Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – С. 102 – 124.
- Фурсова Е.Ф., Голомянов А.И.** Предметы старообрядческого культа в частных собраниях юга Западной Сибири (литые иконы и кресты) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: БГПУ, 1998. – С. 202 – 203.

Материал поступил в редколлегию 07.05.2001 г.

СЕВЕРНАЯ ЕВРАЗИЯ: ЯЗЫКОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ДАННЫЕ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ*

Введение

Вопрос о характере соотношения данных различных исторических дисциплин (археологии, лингвистики, этнографии, антропологии и т.д.) – один из ключевых, имеющих огромное значение для понимания особенностей исторического процесса на той или иной территории. На сегодняшний день теоретическим императивом подхода к данной проблеме является признание большинством исследователей отсутствия обязательной корреляции между данными этих дисциплин вследствие различий в природе изучаемых ими явлений. Так, например, если языковые особенности той ли иной популяции определяются совокупностью различных исторических причин, имеющих, в конечном счете, социально-культурную основу, то антропологические характеристики зависят в первую очередь от действия законов биологической наследственности и эволюционной изменчивости. При этом степень соответствия результатов антропологических и лингвистических исследований в решающей мере зависит от того, насколько социальные закономерности влияют на эволюционный процесс и наоборот. Именно существование такого взаимодействия и обуславливает параллели, часто наблюдаемые при анализе данных различных исторических дисциплин. Поскольку и социально-культурные, и биологические процессы достаточно сложны и разноплановы, то и вопрос о харак-

тере их связи следует рассматривать каждый раз, исходя из анализа конкретной исторической ситуации.

Внутриантропологический аспект до сих пор не привлекал столь пристального внимания исследователей, как междисциплинарный. Однако только решение этого вопроса дает необходимый базис, в том числе и для междисциплинарных сопоставлений. Дело в том, что в рамках физической антропологии существует целый ряд морфологически независимых систем признаков, таких как краниометрия, краниоскопия, антропометрия и антропоскопия, одонтология, дерматоглифика, серология и т.д. И число их постоянно увеличивается. Результаты анализа данных по различным комплексам признаков обычно несколько отличаются, поскольку каждый из используемых признаков формировался в разное время и, следовательно, имеет собственную “историю” происхождения и эволюции. По этой же причине он отражает лишь часть интересующей исследователя истории той или иной популяции. Следует также отметить, что количество информативных признаков внутри каждой системы обычно невелико. Например, современная одонтологическая программа состоит из 11 – 12 основных признаков [Зубов, Халдеева, 1979], в дерматоглифике активно используется только шесть [Хить, 1983], после тщательного отбора значимых для популяционной дифференциации признаков краниоскопическая программа насчитывает также шесть характеристик [Козинцев, 1988; Kozintsev, 1992]. Несколько более обширна, но обычно все же не более 20 признаков, краниометрическая программа. Однако в этом случае многие измерения имеют значимые внутригрупповые корреляции, т.е. фактически число реальных направлений изменчивости существенно меньше, чем количество используемых признаков. Последнее справедливо и для антропометрии.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 01-01-00229а).

Автор приносит искреннюю благодарность А.Г. Козинцеву, оказавшему неоценимую помощь в процессе работы над рукописью, и В.И. Харгановичу, предоставившему свои неопубликованные материалы.

Таким образом, очевидно, что ни одна из отдельно взятых систем антропологических признаков не способна охватить все этапы биологической истории той или иной популяции. Существенно снивелировать вышеуказанные трудности, на мой взгляд, можно за счет интеграции результатов анализов по возможно большему числу систем антропологических признаков. В этом случае мы получим более полную картину межпопуляционной дифференциации, чем при анализе лишь одной системы, а случайные колебания того или иного признака уже не будут так сильно влиять на общий результат.

Следует иметь в виду и другое обстоятельство, которое сказывается на полученных антропологами результатах, – численность выборки. Часто она недостаточна, и, следовательно, вероятность случайных факторов, оказывающих влияние на результат анализа, может быть велика. Думается, что и в этом случае интеграция данных различных систем способна существенно снивелировать случайные колебания признаков.

Основная цель и задачи исследования

Основная цель исследования состоит в оценке уровня соответствия результатов анализа антропологических данных языковой классификации народов Северной Евразии. Для этого с помощью приемов современной многомерной статистики была осуществлена интеграция данных по четырем основным системам антропологических признаков – краниометрии, краниоскопии, одонтологии и дерматоглифике.

Программа и материалы

В краниометрическую программу входят 14 признаков, традиционно используемых отечественными исследователями: длина, ширина и высота черепной коробки, наименьшая ширина лба, скуловая ширина, верхняя высота лица, высота и ширина носа и орбиты, назомаллярный и зигмаксиллярный углы, симотический индекс и угол выступления носовых костей (соответственно 1, 8, 17, 9, 45, 48, 52, 53, 55, 54, 77, zm , $SS:SC$, 75(1) по Мартину и др.).

Краниоскопическая программа включает шесть наиболее значимых для межгрупповой дифференциации признаков [Козинцев, 1988; Kozintsev, 1992]: затылочный индекс (ЗИ), клиновидно-верхнечелюстной (КВШ) и заднескуловой (ЗСШ) швы, подглазничный узор типа II (ПГУ II), индекс поперечного небного шва (ИПНШ) и надглазничные отверстия (НО).

В основе дерматоглифической программы шесть признаков, использованных для этнических исследований Г.Л. Хить [1983]: дельтовый индекс (D_{10}), индекс Камминса (I_c), осевой проксимальный трирадиус (t), истинные узоры на гипотенаре (Ну), добавочные межпальцевые трирадиусы (ДТМ), узоры первой межпальцевой подушечки тенера (Th/1).

Из одонтологических признаков взяты десять, включенных А.А. Зубовым в основную одонтологическую программу [Зубов, Халдеева, 1989]. Это частота: лопатообразности передних верхних резцов ($shov(2+3)I^1$), редукции гипоконуса на втором верхнем моляре ($hug(3,3+)M^2$), бугорка Карабелли на первом верхнем моляре ($сара(2-5)M^1$), четырех- и шестибугорковых нижних первых моляров (M_{14} и M_6), четырехбугорковых вторых нижних моляров (M_{24}), дистального гребня тригониды (drc), коленчатой складки метакониды (dw), дополнительного промежуточного бугорка ($tami$), варианта II впадения второй борозды метакониды ($2med(II)M_1$). Последние четыре признака фиксировались на первом нижнем моляре.

В результате сопоставления данных было сформировано 39 сборных серий с территории северной части Евразии. Использованные литературные источники приведены в табл. 1. Четырнадцать групп представляют уралоязычные популяции, одиннадцать – тюркоязычные, пять говорят на индоевропейских, четыре – на кавказских, три – на монгольских и две – на тунгусо-маньчжурских языках.

Методика анализа данных

Процедура анализа состояла из двух этапов. Сначала данные по каждой из систем анализировались отдельно. Для неметрических признаков использовался метод главных компонент, для метрических – канонический анализ [Дерябин, 1983]. Следует отметить, что полученные в результате вышеуказанных процедур главные компоненты (ГК) и канонические векторы (КВ) в сущности представляют собой новые признаки, основанные на межгрупповых корреляциях исходных признаков, а поскольку в отличие от последних они имеют уже одинаковую размерность, то появляется возможность для их дальнейшей интеграции [Kozintsev, Gromov, Moiseyev, 1999]. Для этого на основе значений данных векторов была посчитана матрица евклидовых расстояний, подвергнутая затем неметрическому многомерному шкалированию. Замечу, что результаты интеграции основываются исключительно на межсистемных корреляциях, поскольку исходные векторы внутри каждой из систем абсолютно независимы между собой, т.е. их взаимная корреляция равна нулю (табл. 2).

Полученные результаты

Поскольку результаты анализа каждой из отдельно взятых систем признаков неоднократно описаны в литературе различными исследователями, перейдем непосредственно к итогам их интеграции.

Из полученных ГК и КВ были взяты по несколько первых векторов, в сумме отражающих не менее 2/3, т.е. около 70%, общей изменчивости по каждой

Таблица 1. Литературные источники данных об использованных сериях

№ п/п	Группа	Краниометрия	Краниоскопия	Одونتология	Дерматоглифика
1	Финны	[Алексеев, 1974а]	[Kozintsev, 1992]	[Зубов, 1982]	[Хить, 1983]
2	Эстонцы	[Алексеев, 1969]	[То же]	[Гравэре, Зубов, Сарап, 1979]	[То же]
3	Карелы	[Хартанович, 1986]	»	[Халдеева, 1990]	»
4	Коми	[Хартанович, 1991]	»	[Аксянова, 1979]	»
5	Удмурты	[Алексеев, 1969]	[Kozintsev, 1992; Моисеев, 1999]	[Рыкушина, 1987]	»
6	Мордва-эрзя	[То же]	[Kozintsev, 1992]	[Зубов, 1982]	»
7	Мари горные	»	[То же]	[Зубов, Халдеева, 1979]	»
8	Мари луговые	»	»	[То же]	»
9	Саамы	[Хартанович, 1980]	»	[Зубов, 1982]	»
10	Манси	[Дебец, 1951]	»	[Аксянова, 1979]	»
11	Ханты	[Дебец, 1951; Дремов, 1991б; Багашев, 1991]	[Моисеев, 1999]	[Аксянова, 1979; Дубов, 1987]	[Хить и др., 1996]
12	Селькупы	[Багашев, Дремов, Ким, 1998]	[То же]	[Дубов, 1987]	[Хить, 1983]
13	Ненцы	[Дебец, 1951]	[Kozintsev, 1992]	[Аксянова, 1979]	[То же]
14	Башкиры	[Акимова, 1968; Юсупов, 1989]	[Kozintsev, 1992; Моисеев, 1999]	[Zoubov, Segeda, 1986]	»
15	Сибирские татары	[Дремов, 1990; Ким, 1990; Багашев, 1993]	[Моисеев, 1999]	[Зубов, Халдеева, 1989]	[Хить, 1990]
16	Чулымцы	[Дремов, 1991а]	[То же]	[Аксянова, 1991]	[Хить, 1983]
17	Шорцы	[Алексеев, 1960; Ким, 1987]	[Kozintsev, 1992; Моисеев, 1999]	[Халдеева, 1992]	[То же]
18	Тубалары	[Багашев, Дремов, Ким, 1998]	[Моисеев, 1999]	[То же]	»
19	Телеуты	[Ким, 1978]	[То же]	»	»
20	Сагайцы	[Алексеев, 1960]	»	[Халдеева, 1979]	»
21	Бельтыры	[То же]	»	[То же]	»
22	Казахи	[Исмагулов, 1970]	[Kozintsev, 1992]	[Бабаков и др., 1979]	»
23	Киргизы	[Миклашевская, 1959]	[То же]	[То же]	»
24	Тувинцы	[Дебец, 1951]	»	[Халдеева, 1984]	»
25	Монголы	[То же]	»	[Зубов, Золотарева, 1980]	»
26	Калмыки	»	»	[Зубов, Халдеева, 1989]	»
27	Буряты	»	»	[Халдеева, 1979]	»
28	Тунгусы	»	»	[Дубов, 1987]	»
29	Амурские группы	»	»	[Халдеева, 1979]	»
30	Русские	[Алексеев, 1969]	»	[Аксянова и др., 1979]	»
31	Латыши	[То же]	»	[Гравэре, Зубов, Сарап, 1979]	»
32	Литовцы	[Iesnys, 1986]	»	[То же]	»
33	Осетины	[Алексеев, 1974б]	»	[Кочиев, 1979]	»
34	Армяне	[То же]	»	[То же]	»
35	Адыгейцы	»	»	»	»
36	Абхазы	»	»	»	»
37	Чеченцы	»	»	»	»
38	Ингуши	»	»	»	»

из систем. Всего по три первых ГК для краниоскопии и дерматоглифики, три КВ для краниометрии и I, III – V ГК для одонтологической. Из дальнейшего анализа была исключена вторая одонтологическая ГК, поскольку около трети размаха ее изменчивости приходится на единственную серию – бурят, группу не проявляющую столь значительного своеобразия ни по одной из остальных систем антропологических признаков. Эта ГК определяется в основном двумя признаками – редукцией гипоконуса верхних моляров и дополнительным шестым бугорком, взятыми в их обратном соотношении. Следует отметить, что данные признаки не обнаруживают четко выраженных градиентов изменчивости на территории Северной Евразии. В отношении редукции гипоконуса верхних моляров А.А. Зу-

бовым [1973] было высказано предположение, что это один из наиболее молодых таксономических признаков и он не имеет четкой связи с крупными группами популяций. Вышеуказанное обстоятельство, по-видимому, и нашло отражение в результатах анализа.

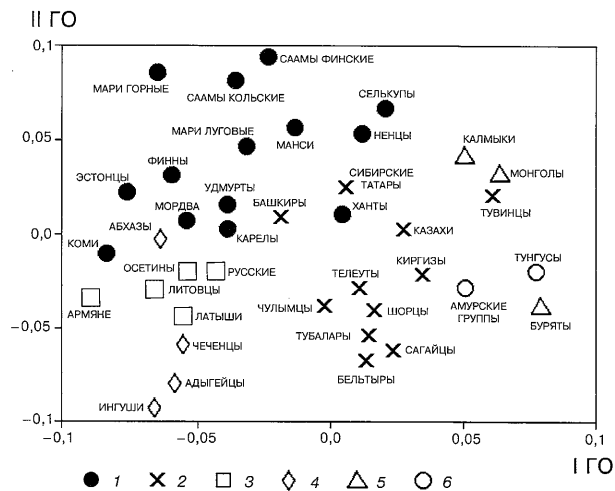
Расположение серий в пространстве двух главных осей (ГО) представлено на рисунке. Очевидно, что I ГО делит популяции по направлению запад – восток, II – по направлению север – юг. Однако географический принцип не является единственным фактором, прослеживающимся в распределении анализируемых серий.

Прежде всего обращает на себя внимание неожиданно высокий (по традиционным представлениям об антропологической дифференциации североевразийских популяций) уровень соответствия между

Таблица 2. Коэффициенты корреляций между исходными главными компонентами и каноническими векторами

		Краниометрия (КВ)			Краниоскопия (ГК)			Одонтология (ГК)				Дерматоглифика (ГК)		
		1	2	3	1	2	3	1	3	4	5	1	2	3
Краниометрия (КВ)	1	1,00												
	2	0,00	1,00											
	3	-0,00	-0,00	1,00										
Краниоскопия (ГК)	1	0,92	0,06	0,01	1,00									
	2	-0,04	0,58	-0,01	0,00	1,00								
	3	-0,00	-0,04	0,50	0,00	-0,00	1,00							
Одонтология (ГК)	1	0,88	0,17	-0,10	0,85	0,04	-0,02	1,00						
	3	-0,02	-0,01	-0,16	-0,06	-0,10	0,12	0,00	1,00					
	4	0,01	-0,26	-0,04	0,04	-0,04	-0,10	-0,00	-0,00	1,00				
	5	-0,16	-0,06	0,07	-0,06	-0,16	0,39	0,00	-0,00	-0,00	1,00			
Дерматоглифика (ГК)	1	-0,78	-0,03	0,05	-0,66	0,13	-0,03	-0,74	-0,10	-0,17	0,16	1,00		
	2	0,25	0,03	0,08	0,28	0,18	-0,30	0,18	-0,59	-0,03	-0,08	-0,00	1,00	
	3	-0,20	0,00	0,13	-0,20	-0,13	0,22	-0,07	0,03	-0,06	0,18	0,00	-0,00	1,00

антропологическими и лингвистическими данными. Практически все основные языковые группы занимают в пространстве двух главных осей вполне определенное положение, что говорит об их антропологической специфике. Прделанный анализ подтверждает полученные ранее результаты, основанные на интеграции двух систем антропологических признаков – краниоскопии и краниометрии, а именно, наличие единой антропологической основы большинства уралоязычных популяций [Моисеев, 1999]. Сильно “выпадавшие” ранее из уральского круга популяций коми-зыряне и карелы в настоящем анализе заметно “подтягиваются” к уральскому полюсу, занимая промежуточное положение между другими уралоязычными народами и индоевропейскими группами. Можно предположить, что общеуральская специфика, полностью сnivelированная в результате микроэволюционных и метисационных процессов в рамках одних систем, в той или иной мере сохранилась в других. Этот результат, как мне кажется, – еще один аргумент в пользу эффективности межсистемной интеграции. Выраженная “неуральская” тенденция ханты объясняется, по-видимому, высоким удельным весом в суммарной серии нижнеобских ханты – группы, сильно смешанной с ненцами. Последние же демонстрируют устойчивый сдвиг в сторону южносибирских и среднеазиатских тюркоязычных популяций, что еще раз подтверждает предположение об их южносибирском происхождении [Dremov, Kim, 1985].

Расположение групп в пространстве двух главных осей.

1 – уралоязычные, 2 – тюркоязычные, 3 – индоевропейские, 4 – кавказские, 5 – монгольские, 6 – тунгусо-маньчжурские.

Одним из наиболее интересных результатов анализа является вполне определенная локализация в пространстве I и II ГО индоевропейских групп. Прежде всего, здесь обращает на себя внимание большее соответствие результатов анализа языковому, а не географическому фактору. Так, осетины и армяне оказываются антропологически более сходными с другими

индоевропейскими группами, чем с близкими им географически северокавказскими народами. В этом смысле полученные результаты противоречат выводу о том, что осетинские и армянские популяции сформировались на преимущественно местном, т.е. кавказском, антропологическом субстрате [Алексеев, 1974б]. Вероятно, подобное несоответствие имеет, в конечном счете, также межсистемный характер, поскольку вывод о кавказских корнях вышеуказанных народов был сделан в основном на соматологических данных. Можно предположить, что причина столь значительного расхождения последних с интегрированными данными по краниометрии, краниоскопии, одонтологии и дерматоглифике состоит либо в несовпадении времени образования используемых в их рамках признаков (при этом есть основания полагать, что соматологические признаки эволюционно более молодые), либо в недостаточной специфичности индоевропейских популяций по используемому комплексу соматологических признаков.

Одним из немногочисленных исключений из “языкового” принципа группировки серий являются абхазы, которые демонстрируют существенное отклонение в северном направлении, оказываясь в результате более сходными с индоевропейскими народами, чем с другими северокавказскими группами, и в том числе со своими ближайшими языковыми родственниками – адыгейцами. К сожалению, немногочисленность кавказских групп не позволяет пока уверенно говорить об устойчивости такого сдвига.

Что касается тюркоязычных популяций, то их положение в пространстве главных осей также довольно показательно. Большинство из них занимают промежуточное положение между наиболее европейскими группами, с одной стороны, и восточносибирскими, а также центральноазиатскими – с другой. Наибольшую специфику при этом проявляют южносибирские серии, тогда как казахи, киргизы и в особенности тувинцы имеют выраженный сдвиг в сторону более монголоидных центральноазиатских популяций. Можно предположить, что метисационные процессы с участием монголоидных и европеоидных групп – причем последние, как это следует из анализа, имели, видимо, по преимуществу южное происхождение – сыграли главную роль в формировании тюркоязычных популяций.

Проделанный анализ демонстрирует также определенную роль уралоязычных популяций в формировании некоторых тюркоязычных групп. Наиболее выраженный сдвиг в сторону уральцев имеют телеуты и сибирские татары. Имеющиеся этнографические данные позволяют говорить о существовании тесных этнических контактов сибирских татар с угро-самодийскими популяциями, а их некоторые этнотерриториальные группы в прошлом и сами говорили на уральских языках [Strahlenberg, 1730]. Вышесказан-

ное подтверждает мнение большинства антропологов, что ведущим фактором популяционной дифференциации на территории степной и лесостепной части Западной Сибири, а также и Южной Сибири была метисация. Однако, как мне кажется, было бы все же преждевременно полностью исключать возможность формирования хотя бы части тюркоязычных популяций (прежде всего это касается некоторых североалтайских и хакасских групп) на основе какого-то специфического антропологического субстрата. О наличии такой возможности свидетельствует существование на данной территории ряда древних групп, в частности носителей окуневской культуры, с весьма специфичным сочетанием антропологических признаков [Kozintsev, Gromov, Moiseyev, 1999].

Немногочисленность тунгусо-маньчжурских и монголоязычных серий не позволяет делать какие-либо окончательные выводы об уровне их антропологической специфики. Несомненной является лишь наиболее высокая среди всех рассматриваемых групп степень их монголоидности.

В заключение хочется отметить, что продемонстрированные выше результаты говорят о перспективности интеграционного подхода к анализу антропологических данных для решения вопросов происхождения и этнической истории.

Список литературы

- Акимова М.С.** Антропология древнего населения Приуралья. – М.: Наука, 1968. – 120 с.
- Аксянова Г.А.** Ненцы, коми-зыряне, обские угры // Этническая одонтология СССР. – М.: Наука, 1979. – С. 93 – 113.
- Аксянова Г.А.** Антропологический состав чулымских тюрков: одонтология // Тюрки таежного Причумылья (популяция и этнос). – Томск: Изд-во ТГУ, 1991. – С. 200 – 209.
- Аксянова Г.А., Зубов А.А., Сегада С.П., Пескина М.Ю., Халдеева Н.И.** Русские // Этническая одонтология СССР. – М.: Наука, 1979. – С. 9 – 31.
- Алексеев В.П.** Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения // Тр. Киргиз. археол.-этнограф. экспедиции. – М., 1960. – Т. 4. – С. 269 – 364.
- Алексеев В.П.** Происхождение народов Восточной Европы. – М.: Наука, 1969. – 324 с.
- Алексеев В.П.** Краниологическая характеристика населения восточной Фенноскандии // Расогенетические процессы в этнической истории. – М.: Наука, 1974а. – С. 85 – 105.
- Алексеев В.П.** Происхождение народов Кавказа. – М.: Наука, 1974б. – 318 с.
- Бабак О.Б., Дубова Н.А., Зубов А.А., Рыкушина Г.В., Ходжайов Т.К.** Народы Средней Азии и Казахстана // Этническая одонтология СССР. – М.: Наука, 1979. – С. 164 – 186.
- Багашев А.Н.** Краниологический тип нижнеиртышских хантов // Обские угры (ханты и манси). – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1991. – С. 29 – 37.
- Багашев А.Н.** Этническая антропология тоболо-иртышских татар. – Новосибирск: Наука, 1993. – 152 с.

- Багашев А.Н., Дремов В.А., Ким А.Р.** Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1998. – 352 с.
- Бунак В.В.** Антропологический тип черемис // Русский антропологический журнал. – 1924. – Т. 13, № 3 / 4. – С. 137 – 177.
- Гравэре Р.У., Зубов А.А., Сарап Г.Г.** Литовцы, латыши, эстонцы // Этническая одонтология СССР. – М.: Наука, 1979. – С. 68 – 92.
- Дебеч Г.Ф.** Антропологические исследования в Камчатской области // ТИЭ АН СССР. – 1951. – Т. 17. – 264 с.
- Дерябин В.Е.** Многомерная биометрия для антропологов. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 227 с.
- Дремов В.А.** Материалы по краниологии тюркоязычного населения Томского Приобья. (I: Эуштинцы) // Антропология и историческая этнография Сибири. – Омск: ОГУ, 1990. – С. 52 – 72.
- Дремов В.А.** Антропологический состав чулымских тюрков XVI – XIX вв.: Краниометрия // Тюрки таежного Причумылья: популяция и этнос. – Томск: Изд-во ТГУ, 1991а. – С. 166 – 199.
- Дремов В.А.** Краниология среднеобских хантов // Обские угры (ханты и манси). – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1991б. – С. 10 – 28.
- Дубов А.И.** Одонтологическая характеристика хантов, селькупов и эвенков // Полевые исследования Института этнографии за 1983 – 1984 гг. – М.: Наука, 1987. – С. 106 – 110.
- Зубов А.А.** Этническая одонтология. – М.: Наука, 1973. – 204 с.
- Зубов А.А.** Географическая изменчивость одонтологических комплексов финно-угорских народов // Финно-угорский сборник. – М.: Наука, 1982. – С. 134 – 148.
- Зубов А.А., Золотарева И.М.** Монголы в мировой систематике одонтологических типов // Вопр. антропологии. – 1980. – Вып. 64. – С. 69 – 87.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И.** Одонтологические исследования луговых и горных мари // Новые исследования в антропологии марийцев. – М.: Наука, 1979. – С. 65 – 74.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И.** Одонтология в современной антропологии. – М.: Наука, 1989. – 232 с.
- Исмагулов О.** Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. – 240 с.
- Ким А.Р.** Материалы к краниологии телеутов // Вопросы археологии и этнографии Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1978. – С. 151 – 163.
- Ким А.Р.** Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987. – 17 с.
- Ким А.Р.** Антропологический состав населения Барабы в позднем средневековье // Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 249 – 260.
- Козинцев А.Г.** Этническая краниоскопия: Расовая изменчивость швов черепа современного человека. – Л.: Наука, 1988. – 168 с.
- Кочиев Р.С.** Закавказье и Северный Кавказ // Этническая одонтология СССР. – М.: Наука, 1979. – С. 114 – 140.
- Миклашевская Н.Н.** Краниология киргизов // Тр. Киргиз. археол.-этнограф. экспедиции. – М., 1959. – Т. 2. – С. 266 – 294.
- Моисеев В.Г.** Происхождение уралоязычных народов по краниологическим данным. – СПб.: Наука, 1999. – 133 с.
- Рыкушина Г.В.** Одонтологическая характеристика северных и центральных удмуртов // Проблемы этногенеза удмуртов. – Устинов: УдНИИЯЛ УрО АН СССР, 1987. – С. 35 – 41.
- Халдеева Н.И.** Народы Сибири и Дальнего Востока: буряты, хакасы, Дальний Восток // Этническая одонтология СССР. – М.: Наука, 1979. – С. 187 – 211.
- Халдеева Н.И.** Одонтологический тип тувинцев и его положение в кругу популяций восточного одонтологического ствола // Антропозоологические исследования в Туве. – М.: Наука, 1984. – С. 195 – 208.
- Халдеева Н.И.** Генетические корни финно-угорских народов по данным одонтологии // Исследования по древней истории и этногенезу финноязычных народов. – Ижевск: УдНИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. – С. 19 – 39.
- Халдеева Н.И.** Уральская раса по данным одонтологии // Материалы к антропологии уральской расы. – Уфа: Башк. науч. центр УрО РАН, 1992. – С. 34 – 50.
- Хартанович В.И.** Новые материалы к краниологии саамов Кольского п-ова // Сб. МАЭ. – 1980. – Т. 36. – С. 35 – 47.
- Хартанович В.И.** Краниология карел // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. – Л.: Наука, 1986. – С. 63 – 120.
- Хартанович В.И.** Новые материалы к краниологии коми-зырян // Сб. МАЭ. – 1991. – Т. 44. – С. 108 – 126.
- Хартанович В.И.** Материалы к краниологии финнов // Антропология сегодня. – СПб.: МАЭ РАН, 1995. – Вып. 1. – С. 71 – 89.
- Хить Г.Л.** Дерматоглифика народов СССР. – М.: Наука, 1983. – 280 с.
- Хить Г.Л.** Антропологический состав и генетические связи сибирских татар по данным дерматоглифики // Антропология и историческая этнография Сибири. – Омск: ОГУ, 1990. – С. 14 – 34.
- Хить Г.Л., Долинова Н.А., Козлов А.И., Вершубская Г.Г.** Угры Оби и уральская раса: дерматоглифический аспект // Вестн. антропологии. – 1996. – Вып. 2. – С. 111 – 128.
- Юсупов Р.М.** Краниология башкир. – М.: Наука, 1989. – 200 с.
- Česnyš G.** On the craniology of the Balts // Ethno-genese europäischer Völker. – Stuttgart; N.Y.: Springer, 1986. – S. 349 – 361.
- Dremov V.A., Kim A.R.** Southern ties of the Ob Ugrians and Samodians according to craniological data // Шестой международный конгресс финно-угроведов: Тез. Этнография, археология, антропология. – Сыктывкар: Коми-филиал АН СССР, 1985. – Т. 4. – С. 185.
- Kozintsev A.G.** Ethnic epigenetics: A new approach // Homo. – 1992. – Vol. 43. – P. 213 – 244.
- Kozintsev A.G., Gromov A.V., Moiseyev V.G.** Collateral relatives of American Indians among the Bronze Age population of Siberia? // American Journal of Physical Anthropology. – 1999. – Vol. 108, N 2. – P. 193 – 204.
- Strahlenberg Ph.I.** Das nord- und ostliche Teil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730.
- Zoubov A.A., Segeda S.P.** Dental morphology of the Bashkirs // Somatology and population genetics of the Bashkirs. Series A. – Helsinki, 1986. – Vol. 175. – P. 67 – 72.

АГО – Архив Всесоюзного Географического общества
АГУ – Алтайский государственный университет
БПУ – Барнаульский педагогический университет
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГАНИИИЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории и литературы
ГПНТБ – Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН
ИАЭт – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИИФиФ – Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИОН БНЦ – Институт общественных наук Бурятского научного центра РАН
КГУ – Красноярский государственный университет
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НГУ – Новосибирский государственный университет
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды Института этнографии РАН
ТФ ГАТО – Тобольский филиал государственного архива Тюменской области
ЦХАФ АК – Центр хранения архивного фонда Алтайского края
ЧГПИ – Читинский государственный педагогический институт
ЯГУ – Якутский государственный университет
IsMEO - Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente